

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ КАК ВИД СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

М.В. Каширина, А.П. Никитин
Хакасский государственный
университет им. Н.Ф. Катанова,
Абакан, Россия

prostoverner@mail.ru,
pavlen-abakan@mail.ru

В работе представлен подход, интерпретирующий денежное обращение как вид социального взаимодействия. Рассмотрены характерные черты социального взаимодействия в их приложении к денежному обращению. Показано, что функциональность денег обеспечивается прямой или косвенной конвенцией. Происхождение конвенции связано с устоявшейся практикой обмена и социальной коммуникации. Порождаясь социальным взаимодействием и являясь им, денежное обращение создает новую институциональную среду в обществе. Поддержание института денежной экономики может происходить при этом и без участия вещественных денег. Это возможно в том случае, если деньги существуют в форме чистого символа. Эволюция денежного обращения таким образом в явном виде демонстрирует тенденцию символизации социальных взаимодействий: формируясь для удовлетворения хозяйственных и политических потребностей, т. е. функционально, деньги проходят этап своей предметной определенности, вырождаясь затем в чистую функцию. Подобного рода замкнутый круг ставит вопрос об общем движении общественной жизни в сторону бессубъектной интеракции и самореферентности. Социальные взаимодействия в таком обществе приобретают симуляционный характер и фальсифицируют свой результат. Денежное обращение в этом отношении является частным случаем символического содержания социальной интеракции, создавая социальный образ богатства и успеха.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, деньги, конвенция, коллективная интенциональность, функция, символ.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-93-101

Феномен денежного обращения может рассматриваться с двух сторон: во-первых, как необходимый элемент экономических процессов, в которых у денег есть свои структурные функции; во-вторых, как вид социального взаимодействия, в котором отражаются специфические черты общественных отношений и социальной реальности. Представление второго подхода требует предварительного рассмотрения понятия «социальное взаимодействие».

«Социальное взаимодействие» является ключевой, основополагающей категорией социальных теорий. Интерпретация социальных взаимодействий занимает особое место в работах М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Маркса, Г. Зиммеля, П. Сорокина и других представителей классической парадигмы в изучении социальной реальности. Такое внимание к социальным взаимодействиям обусловлено тем, что любые общественные отношения, институты, статусы и роли, социальные структуры возникают

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации, конкурс МК-2016, № МК-7733.2016.6

только в процессе осмысленных действий людей и реакций на них. Именно в результате социальных взаимодействий люди конституируют различного рода правила, нормы и образцы поведения, и в ходе многократного повторения этих правил и норм, их передачи от поколения к поколению обеспечивают функционирование общественной жизни.

В процессе социального взаимодействия происходит обмен знаниями, материальными и духовными ценностями, опытом; индивид или группа определяет свою позицию относительно других, свое место (статус) в социальной структуре, свою социальную роль. Роль, в свою очередь, предписывает актору определенные образцы поведения и делает взаимодействие предсказуемым. Результатом различных видов и форм социального взаимодействия являются общественные отношения, социальные институты и сама социальная структура.

По определению Г.И. Козырева, «социальное взаимодействие – это процесс непосредственного или опосредованного взаимодействия социальных субъектов (акторов) друг на друга. Это процесс обмена действиями между двумя и более акторами» [5, с. 125]. «Важнейшим компонентом социального взаимодействия является предсказуемость взаимных ожиданий или, иначе говоря, взаимопонимание между акторами. Если акторы «говорят на разных языках» и преследуют взаимоисключающие цели и интересы, то результаты такого взаимодействия вряд ли будут положительными» [Там же, с. 126]. Условиями социального взаимодействия, таким образом, является наличие как минимум двух субъектов (индивида или группы), находящихся между собой в рефлексивном отношении.

Социальное взаимодействие предполагает два уровня: физический (обмен действиями) и информационный (обмен информацией, смыслами). При этом физическое действие в чистом виде нельзя считать социальным, если оно контекстуально не осмыслено и не ориентировано на другого. Соответственно, физическое действие становится социальным в случае, если оно было сделано осознанно, с целью вызвать реакцию другого индивида. К примеру, кидание банкнот в каминный огонь Настасьей Филипповной в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» является очевидным фактом сжигания бумаги, в котором осуществляется физико-химический процесс горения. Но мы интерпретируем данный акт как социальный, поскольку понимаем, что героиня романа хотела не просто согреться от разгоревшегося пламени, а вызвала реакцию окружающих, которые, как и она сама, видели не столько экзотермический процесс, сколько уничтожение ста тысяч рублей.

Тем самым социальным взаимодействием можно назвать только то, которое по смыслу, т. е. на информационном уровне, ориентировано на окружающих или же вызывает осмысленную реакцию со стороны других людей. Иначе говоря, социальное взаимодействие всегда предполагает обмен информацией – смыслами и символами. Даже если социальное взаимодействие внешне имеет только физическую форму, в нем всегда имеется информационный подтекст.

Более детальное рассмотрение показывает, что граница между социальными «действием» и «взаимодействием» не является жесткой и неподвижной. Ведь если действие социально, то оно всегда предполагает ожидание реакции от объекта воздействия. Неполучение ответа также мож-

но рассматривать как акт, оказывающий воздействие. Социальным взаимодействием можно назвать и внешние, и внутренние акты, акты «делания» и «неделания», акты содействия и сопротивления. И в этом смысле любое социальное действие – это уже взаимодействие.

При этом социальный акт может быть инициирован самим действующим субъектом (индивидом или группой) и рассматриваться как стимул, а может быть и ответным действием на воздействия других, т. е. реакцией. В любом случае единичный социальный акт начинается с какого-либо побуждения или оценки актором своих потребностей и интересов и одновременно с оценки ситуационного окружения.

Социальное взаимодействие в целом есть каскад взаимообусловленных социальных действий, причем объект социального действия одновременно является и субъектом. Например, оплата покупки субъектом может восприниматься именно как оплата, только если обе стороны, и оплачивающая, и принимающая, интерпретируют средство оплаты как адекватную ситуации ценность. Ликвидность такого средства должна признаваться обеими сторонами, и объект, принимающий платеж, в этом отношении выступает субъектом, своим действием получения денег воздействующим на контрагента. Социальное действие, а значит, и взаимодействие возможно только в случае, если субъект уверен в адекватной интерпретации символа обмена объектом, и наоборот. При этом акторы взаимодействия могут преследовать цели, как непротиворечащие, так и противоречащие друг другу.

В зависимости от контекста все социальные взаимодействия условно разделяются на взаимодействия с нематериальным и материальным обменом. К первой груп-

пе социальных взаимодействий относятся те, в которых «предметом обмена» являются духовные ценности: эмоции, чувства, идеи, знания и т. д. Содержанием взаимодействий с материальной основой является обмен вещественными ценностями: товарами, услугами, деньгами, подарками и т. д.

На первый взгляд кажется несомненным, что социальные взаимодействия с материальным обменом достаточно четко опредмечены, а потому объективны для исследования их взаимозаменяемости, взаимозначимости и ценности для каждого из акторов. Это отличает их от взаимодействий с нематериальным обменом, содержание которых крайне сложно, а порой и вообще невозможно подвергнуть критериальному анализу, поскольку люди сами придают смысл тем или иным действиям, ценность и важность чувствам, идеям и эмоциям, возникающим в результате социальной интеракции. Однако при обмене материальными объектами их ценность также определяется самими взаимодействующими акторами; в этом случае интерес представляет механизм наделяния предмета материального обмена определенной значимостью на уровне межличностного взаимодействия, а также процессы принятия и закрепления ценности на макроуровне – в повседневных практиках больших социальных групп, институтов и структур.

Условность деления социальных взаимодействий по признаку использования материального или нематериального обмена была подмечена Г. Зиммелем в его работе «Философия денег». Денежное обращение – социальное взаимодействие, в котором любая ценность (материальная либо духовная) имеет свой количественный эквивалент, выраженный в ее стоимости. Это пример того, как в процессе интеракции

первичные социальные единицы создают элементы, которые приобретают независимую от них функциональность и опосредуют отношения между ними. «Деньги принадлежат именно к этой категории овеществленных социальных функций. Функция обмена, как непосредственного взаимодействия между индивидами, сосредоточивается в форме денег как независимой структуры» [11, р. 174]. Являясь всеобъемлющим средством обмена, деньги становятся главной целью для большинства людей, что превращает их в символ, регулирующий всю культуру.

В этом отношении денежное обращение является типичным примером социального взаимодействия, в котором ценность предмета определяется посредством надления его дополнительным смыслом и значением. Дж. Сёрль приводит самый обычный пример: человек приходит в кафе и заказывает пиво, официант приносит пиво, посетитель пьет его, оставляет на столе деньги и уходит. «Простая ситуация, но ее метафизическая сложность по-настоящему поражает, и эта сложность удивила бы Канта, если бы он когда-либо задумался об этом» [10, р. 3]. Возможной она становится благодаря тому, что в определенном здании человек распознает место, где можно выпить пиво; в определенном индивиде – официанта; в определенных предметах – деньги, за которые можно купить пиво. Данный процесс присваивания физическим предметам несвойственных им функций (статусных функций) Дж. Сёрль обозначает как «коллективная интенциональность»: «чтобы статусные функции были действительны, необходимо коллективное принятие или признание объекта или личности как имеющих этот статус» [9, р. 8]. Только в силу коллективно-

го признания кусок бумаги может считаться двадцатью долларами, Барак Обама – бывшим президентом США, а автомобиль на дороге – чьей-то собственностью.

Использование денег в качестве меры стоимости, средства обмена, средства платежа и накопления основывается на приписывании определенным предметам этих функций. Данное приписывание является результатом социального взаимодействия – либо коллективной конвенцией, либо институциональным установлением. В экономической социологии, соответственно, есть две основные концепции происхождения денег. Конвенциональная теория рассматривает возникновение денег следующим образом: у субъекта хозяйственной деятельности A , производящего товар a , возникает необходимость приобрести товар b , производимый субъектом B . Однако у B вовсе не обязательно должно возникнуть желание менять b на a , поскольку, возможно, в последнем он не нуждается. Следовательно, надо найти и предложить B такой товар c , который можно было бы купить за a и продать за b , а такой поиск предполагает операцию по установлению эквивалентности обмена, в результате чего c (или d , e и т. д.) становится деньгами.

Классический вариант этой концепции изложен в трудах Аристотеля. Для него возникновение денег является результатом социального взаимодействия между разрозненными общностями людей. В момент распада первобытной семьи у отдельных общностей возникает необходимость в вещах, принадлежащих другим общностям. Создается меновая торговля: к примеру, вино обменивается на хлеб, и наоборот. «Когда стала больше требоваться чужая помощь для ввоза недостающего и вывоза излишков, неизбежно стала ощущать-

ся потребность в монете, так как далеко не каждый предмет первой необходимости можно было легко перевозить. Ввиду этого пришли к *соглашению* (курсив наш – А.Н., М.К.) давать и получать при взаимном обмене нечто такое, что, представляя само по себе ценность, было бы вместе с тем вполне сподручно в житейском обиходе, например железо, серебро или нечто иное» [1, с. 391]. Поскольку функция денег определяется именно коллективным соглашением, то сами по себе деньги условны и зависимы от отношения к ним: «Стоит лишь тем, кто пользуется деньгами, переменить отношение к ним, и деньги потеряют всякое достоинство, не будут иметь никакой ценности в житейском обиходе, а человек, обладающий даже большими деньгами, часто не в состоянии будет достать себе необходимую пищу» [Там же, с. 392].

Деньги, таким образом, представляют собой предметы, которые используются не только по своему непосредственному назначению, но и как эквивалент стоимости других вещей и услуг. Аристотель признавал и внутреннюю стоимость денег, будучи сторонником металлизма; современная же интерпретация теории соглашения гласит, что функцию денег может выполнять любой предмет. Более того, денежная функция может выполняться и нематериальным объектом, если она ему присваивается актом коллективной интенции в соответствии с формулой «предмет X выполняет функцию Y в контексте соглашения C». К примеру, функция электронных денег является «свободной функцией Y», так как это случай, где «существуют электронные репрезентации денег; например, магнитные следы на компьютерных дисках в банках. Нет необходимости физической реализации денег в форме банкнот или монет;

все, что существует физически, – это магнитные следы на диске компьютера. Но эти следы – репрезентации денег, но не деньги» [9, р. 20].

С другой стороны, возможно и институциональное объяснение происхождения денег, в соответствии с которым деньги возникли в результате необходимости для молодых государственных образований привести систему поборов, собираемых с разных народов, занимающихся различными видами хозяйственной деятельности, к единому знаменателю, будь то весовая мера зерна либо фиксированный объем металла, либо что-то иное. Если конвенционалисты считают первичной для денег функцию обмена, то с позиции институционалистов первичной является функция платежа. В первую очередь платеж был наказанием за вину (штрафы и взыскания за уголовные преступления), а также налогом-жертвой (он полагался богам и их наместникам на земле). За такие деньги нельзя было купить товар, но можно было получить искупление. В дальнейшем представление о независимом происхождении платежа стерлось, и деньги стали средством оплаты именно потому, что они – средство обмена. Но, как показал К. Поланьи [6], неверно было бы считать, что все наиболее значимые функции денег сформировались из практики обмена. Архаичное общество не знало универсальных денег, различные предметы использовались как деньги, но в ограниченных пределах: одни предметы для обмена, другие в качестве меры стоимости, третьи для накопления богатства, четвертые для институционального платежа и т. д. Употребление денег в качестве средства обмена развилось позже всего.

Современная ситуация денежного обращения свидетельствует как в пользу институ-

туциональной теории, так и в пользу конвенциональной. То, что россияне пользуются рублями при совершении покупок и уплаты налогов, является результатом действия юридической силы, прописанной в пункте 1 статьи 75 главы 3 Конституции Российской Федерации, где объявляется, что «денежной единицей в Российской Федерации является рубль». Государство, стоит отметить, достаточно внимательно следит за выполнением этой нормы, считая нежелательным использование россиянами локальных валют в рамках отдельных социальных общностей.

Локальные валюты тем не менее возникают по всему миру как результат социальной коммуникации и стремления к взаимовыгодному сотрудничеству, что подтверждает позицию конвенционалистов. Сообщества, использующие локальные валюты, выступают социальной силой, стремящейся к оздоровлению экономики путем актуализации обменной функции денег. Поскольку с национальной валютой это порой трудноосуществимо ввиду ее гипертрофированной ценности и нехватки, регионы и коммуникативные сети вынуждены использовать свои валюты. При всей неоднозначности в оценке деятельности таких сообществ неоспорим социальный эффект от их деятельности – укрепление связей в среде среднего и мелкого бизнеса, усиление социальной консолидации, внутренняя поддержка в период кризиса, стимулирование местного производства. При этом функции локальных денег не исключают налогообложения на операции с их использованием. Наиболее распространенными являются следующие виды локальных валют:

1) валюты, привязанные к времени труда (Итакский час, японская система Fureai

Kirru – банк взаимопомощи домохозяек, т. д.);

2) системы взаимного кредита, основанные на учете обязательств (швейцарский WIR, сардекс в Сардинии, проект «100 друзей» в Иркутске» и др.);

3) муниципальные системы перевода общественно полезного труда в условные денежные единицы (Torekes в бельгийском Генте, система Civics);

4) региональные деньги, конвертируемые в национальную валюту по курсу один к одному (Regiongeld в Германии).

Разногласие между институциональным и конвенциональным подходами легко снимается, если согласиться с мнением того же Дж. Сёрля, что любой институт функционирует благодаря языковой конвенции. Пусть государство устанавливает правила денежного обращения, но наделение его этими полномочиями возможно только в результате гласного или негласного, но соглашения. Общественная жизнь есть череда перформативных актов: общество наделяет определенных людей властными полномочиями; эти люди, в свою очередь, наделяют определенные предметы денежными функциями; общество принимает данные предметы как деньги; люди, наделенные властью, распределяют их в общественной среде, и т. д. Институциональные правила есть следствие явной или скрытой конвенции, и деньги именно *признаются* деньгами.

Здесь только необходимо подчеркнуть, что институциональное установление не является социальной конвенцией, но возникает благодаря ей. Когда государство издает закон, общество может быть не согласно с его содержанием, но оно повинует в том случае, если признает государственный статус правового акта; россияне могут счи-

тать рубли «деревянными», но всё равно используют их, поскольку признают конституционный строй Российской Федерации.

Таким образом, деньги создаются в процессе социального взаимодействия как признанная функция. Не зря поэтому даже в учебной литературе утверждается, что основные определения денег тавтологичны: «деньги – это то, что выполняет функции денег», «деньги – это то, что признается в качестве денег» [7, с. 373, 379]. Связь первого определения со вторым становится явной, если правомерно допустить, что деньги в случае непризнания их качества (в смысле определенности быть собой) свои функции выполнять не могут.

Эти функции люди используют в отношениях между собой, но сами деньги, как предметы, не обязательно должны участвовать в социальном взаимодействии. Для этого достаточно какой-либо счетной единицы, и история знает примеры такой ситуации: гиней в Великобритании в период с 1813 по 1971 г., «условные единицы» в России и т. п. Общая эволюция денежных форм – это история дематериализации денег, т. е. постепенного освобождения ими от материальных форм и движения к всё более и более идеальным формам, что является необходимым элементом увеличения их информационной насыщенности и коммуникативной эффективности. Денежное обращение как вид социального взаимодействия, порождаясь осмысленными действиями людей, опредмечивает обменную функцию, после чего может выступать как социальный факт и без использования опосредующего предмета.

Вместе с тем, рассматривая денежное обращение как вид социального взаимодействия, мы должны помнить о том, что это взаимодействие должно быть значимым.

По П. Сорокину, компоненты значимого человеческого взаимодействия включают в себя «1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы» [8, с. 193]. Когда деньги превращаются в чистый символ, то, что Ж. Бодрийяр назвал симулякром [3], т. е. знаком, не имеющим денотата в реальности, социальное взаимодействие превращается в отношение, в котором есть реагирующие люди, ценности и нормы, но нет материального посредника.

Символизация социального взаимодействия на уровне денежного обращения и во многих других областях делает понятными многие процессы современной общественной жизни. Превращение денег в чистый символ сопровождается увеличением экономических рисков и потрясений. Глобальные экономические кризисы – результат ничем не обеспеченного денежного обращения, раздуваемого кругооборота симулякров. Ж. Бодрийяр отмечал, что современная экономика движется в двух направлениях: с одной стороны, отрыв производства от конкретных потребностей общества, выраженный в стремлении обеспечить экономический рост как таковой, не ориентированный ни на потребности, ни на прибыль; с другой стороны, «отрыв денежного знака от всякого производства: деньги вступают в процесс неограниченной спекуляции и инфляции» [2, с. 75]. Являясь знаком меновой стоимости, деньги в своем развитии становятся неподвластными и ей: «Освобо-

дившись от самого рынка, они превращаются в автономный симулякр, не отягощенный никакими сообщениями и никаким меновым значением, ставший сам по себе сообщением и обменивающийся сам в себе» [2, с. 76].

При этом деньги, отрываясь от своего экономического базиса, превратившись в символ, именно в области символического взаимодействия выполняют специфические социальные функции – как средство презентации успеха, как обозначение наличия власти, как инструмент формирования социального статуса и т. д. Денежное обращение, таким образом, является типичным примером того, как социальное взаимодействие теряет статус эффективной социальной коммуникации, когда действия людей адекватно оцениваются ими самими и приводят к позитивному результату, и приобретает статус симуляции и фальсеоинтеракции, когда важен сам процесс и его символический результат.

Остается добавить, что это только частный пример общей тенденции социальной жизни. На самом деле симулякры можно обнаружить практически в любой области социальных взаимодействий: статус учебного обеспечения обеспечивается количеством ссылок на его работы, которые можно обеспечить договоренностью с коллегами и указанием молодым сотрудникам; художественная ценность картины формируется ее стоимостью и соответствующей рекламой; популярность политической фигуры в большей степени зависит не от профессиональных качеств, а от умения подать свой образ публике, и т. п. Как показывают конкретные социологические исследования, в системе отечественного высшего профессионального образования доминирующее большинство студентов и преподавателей счи-

тает экзамен символической процедурой, в которой достаточно имитировать знания для того, чтобы получить оценку [4]. Символический характер социальных взаимодействий, безусловно, вырастает из самого содержания отношений между людьми – человечеству трудно избавиться от денег, цитат, рекламы, психологического образа власти и от экзаменов. Но когда эти символы не отражают реальных свойств и качеств, возрастает опасность разрушения самой общественной жизни, трансформации ее в самореферентный знак.

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения. В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть: пер. с фр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
4. *Ибрагимов Р.Н., Вернер М.В.* Грех лжи: факт и объект // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4, т. 1. – С. 170–176.
5. *Козырев Г.П.* Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 124–129.
6. *Поланьи К.* Семантика использования денег // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – С. 125–137.
7. *Радаев В.В.* Экономическая социология. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 603 с.
8. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
9. *Searle J.R.* Making the social world: the structure of human civilization. – New York: Oxford University Press, 2010. – 208 p.
10. *Searle J.R.* The construction of social reality. – New York: Free Press, 1995. – 242 p.
11. *Simmel G.* Philosophy of money. – London: Routledge; New York: Taylor & Francis Group, 2005. – 543 p.

MONEY CIRCULATION AS A KIND OF SOCIAL INTERACTION

M.V. Kashirina, A.P. Nikitin

Katanov Khakass State University

prostoverner@mail.ru,

pavlen-abakan@mail.ru

In this work the approach interpreting money circulation as a kind of social interaction is presented. The prominent features of social interaction in their relation to money circulation are considered. It is shown that money functionality is provided with direct or indirect convention. The origin of convention is connected to the ingrained exchange practice and social communication. Money circulation is realized due to the collective intentionality acts, defined in the objects of money. At the same time, currency circulation can happen without material money usage. It is possible only in the case if the function of money obtains objectless existence in the form of a pure symbol. Money degenerates in its function being formed as the satisfaction of household and political needs, that is to say functionally, at the same time passing the step of its objective certainty. In such a way, the evolution of money circulation demonstrates the tendency of social interactions symbolization. This tendency raises a question concerning general process of social life from the real interaction to the reality simulation. Social interactions in such society acquire speculative character and they are directed to the support of themselves. Money circulation is a private case of symbolic content of social interaction. It is aimed not to the economic good, but to the social image of financial success maintenance.

Keywords: social interaction, money, convention, collective intentionality, function, symbol.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-93-101

References

1. Aristotle. *Sochineniya*. V 4 t. T. 4 [Tractates. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 830 p. (In Russian)
2. Baudrillard J. *L'Echange symbolique et la mort* [Symbolic exchange and death]. Paris, Gallimard, 1976 (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Simvolicheskiy obmen i smert'*. Translated from French. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 387 p.).
3. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, Galilée, 1981. 108 p. (In English: Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1994. 164 p.) (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Simulyakery i simulyatsii*. Translated from French A. Kachalov. Moscow, Postum Publ., 2015. 240 p.).
4. Ibragimov R.N., Verner M.V. Grekh lzhi: fakt i ob'ekt [The sin of lies: fact and object]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 2011, no. 4, vol. 1, pp. 170–176.
5. Kozyrev G.I. Sotsial'noe deistvie, vzaimodeistvie, povedenie i sotsial'nyi kontrol' [Social action, interaction, behavior and social control]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2005, no. 8, pp. 124–129.
6. Polanyi K. Semantika ispol'zovaniya deneg [The semantics of money-use]. “*Velikaya transformatsiya*” Karla Polan'i: *proshloe, nastoyashchee, budushchee* [“The Great transformation” of Karl Polanyi: past, present, future]. Moscow, SU HSE Publ., 2007, pp. 125–137. (In Russian)
7. Radaev V.V. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Moscow, SU HSE Publ., 2005. 603 p.
8. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p.
9. Searle J.R. *Making the social world: the structure of human civilization*. New York, Oxford University Press, 2010. 208 p.
10. Searle J.R. *The construction of social reality*. New York, Free Press, 1995. 242 p.
11. Simmel G. *Philosophy of money*. London, Routledge, New York, Taylor & Francis Group, 2005. 543 p.